

«КАК МЫ ГОВОРИМ С БОГОМ И СОВЕСТЬЮ, ХОЧУ ПОГОВОРИТЬ С ВАМИ»: ПЕРЕПИСКА Н.М. КАРАМЗИНА С ЧЛЕНАМИ ЦАРСТВУЮЩЕГО ДОМА

Переписка Н.М. Карамзина с императором Александром I, великой княгиней Екатериной Павловной, императрицами Марией Федоровной и Елизаветой Алексеевной представляет собой уникальное литературное и культурное явление своего времени. Характер анализируемого эпистолярия определяется душевными, творческими поисками писателя, а также статусом и личностными особенностями его царствующих адресатов. В процессе достаточно интенсивного эпистолярного общения царской семьи и Карамзина рождается особый поведенческий текст монарха и гражданина, письма становятся пространством для развития душевных, моральных качеств, формирования особой жизненной философии.

Ключевые слова: эпистолярный; Н.М. Карамзин; царствующие особы.

В эпоху сентиментализма с характерным для нее вниманием к душевному состоянию личности, обостренным эмоциональным отношением к действительности «вырабатывается особая эпистолярная культура, к которой приобщаются не только литераторы, но и многие люди, никогда не выступавшие в печати» [1. С. 747]. Письмо как интимный текст участвует в формировании чувств, выполняет просветительские функции. Кроме того, переписка становится литературной лабораторией, культурным фактом эпохи. Важную роль в этом процессе играет писательский эпистолярный, который, являясь специфическим видом художественного творчества, выполняет значимую функцию в формировании литературной и культурной парадигмы своего времени.

Письма занимают особое место в творческой и частной жизни Н.М. Карамзина. Обширное эпистолярное наследие писателя, его письма к И.И. Дмитриеву, П.А. Вяземскому, К.Н. Батюшкову, Г.Р. Державину, В.А. Жуковскому, В.М. Карамзину, Е.Ф. Муравьевой и др., безусловно, представляют значительный интерес как особое литературное и культурное явление. Эпистолярный Н.М. Карамзина до сих пор не издан полностью, соответственно, комплексно не исследован. Однако даже при рассмотрении отдельных сюжетов переписки писателя (см., например, [2]) становится очевидной ее значимость для духовного развития современно-го Карамзину общества. Так, П.А. Вяземский писал относительно писем Карамзина к И.И. Дмитриеву: «В них старший памятник и жизни его, и литературного нашего преобразования <...> В них специально ничему не научишься, но вместе с тем научишься всему, что облагораживает ум и возвышает душу» [3. С. 251–252]. Эти слова можно отнести и к переписке историка с членами царствующего дома.

С 1810 г., после знакомства с великой княгиней Екатериной Павловной, Н.М. Карамзин ведет достаточно активную переписку с членами царской семьи. Его частное эпистолярное общение с царствующими особами – феноменальное явление для русской культуры и литературы: «Жизненно важное для Карамзина общение с теми, кто нес на себе груз нравственной ответственности перед Богом, страной и народом, с кем он встречался и беседовал на протяжении всей зрелой жизни, кто оказал на него, быть может, решающее воздействие, кто и сам прислушивался к голосу Карамзина – ученого-титана и знатока современности, к тому же умнейшего собеседника, – поучительнейшая страница в духовной жизни того времени» [4. С. 562–563].

Общаясь со своими адресатами посредством письма, писатель, историограф, мыслитель учит их думать, чувствовать, говорить о своих чувствах, воспитывает души тех, от кого зависят судьбы страны и дальнейшее ее историческое развитие.

Переписка Карамзина с членами царствующего дома длилась в общей сложности более пятнадцати лет. Она оставила большой след в жизни как императорской семьи, так и самого писателя. В восемнадцатом томе Полного собрания сочинений писателя [5] (в дальнейшем письма Н.М. Карамзина и его адресатов цитируются по данному изданию с указанием страницы в скобках) опубликованы фрагменты его переписки с императрицей Марией Федоровной (15 писем Н.М. Карамзина в период с 1812 по 1824 г. и 30 ответных писем в период с 1813 по 1826 г.); с Александром I (12 писем Н.М. Карамзина в период с 1810 по 1825 г. и 11 ответных писем в период с 1822 по 1825 г.); с императрицей Елизаветой Алексеевной (27 писем Н.М. Карамзина и 27 ответных писем в период с 1818 по 1826 г., кроме того, 9 недатированных писем); с великой княгиней Екатериной Павловной Романовой, сестрой Александра I (опубликованы 2 письма Н.М. Карамзина 1813 и 1817 гг. и 27 ответных писем в период с 1810 по 1818 г.). Помимо этого, в разделе «Переписка с другими членами царской фамилии» помещены 2 письма Карамзина к императрице Александре Федоровне, 3 письма историка к великому князю Константину Павловичу и 2 письма последнего, 2 письма императора Николая I и ответ ему Н.М. Карамзина.

Особого внимания заслуживает переписка писателя с Александром I. Взаимоотношения императора и Карамзина нельзя назвать простыми. Со стороны последнего они во многом определены ожиданиями, связанными с восшествием Александра на престол, процессом написания и публикации «Истории государства Российского», положением придворного историографа. Этот контекст и определяет характер и содержание переписки писателя с монархом.

Умение Карамзина ориентироваться на читателя и одновременно создавать своего читателя [6] очень ярко проявилось в переписке с Александром I. Для его писем к императору характерна особая публицистичность. Некоторые из посланий, адресованных Александру, оформляются Карамзиным как публичные обращения, ораторские выступления (как, например, известное письмо «Мнение русского гражданина»), что совершенно не случайно: разочарованный в реальном

государе Карамзин формулирует на страницах писем доминанты поведенческого текста истинного монарха: справедливого, самоотверженного, стойкого, ставящего благо государственное превыше всего. При этом письма к Александру при соблюдении всех этикетных формальностей приглашают монаршего адресата к чисто-сердечному разговору на равных. Карамзин стремится повлиять на своего собеседника, поэтому практически каждое его письмо к императору содержит откровенно дидактичные фрагменты: «Бог дал Вам царство и вместе с ним обязанность исключительно заниматься благом оного» (С. 11); «<...> нельзя хотеть ничего более, кроме того, чтобы утвердить мир в Европе и благоустройство в России: первый бескорыстным, великодушным посредничеством; второе хорошими законами и еще лучшей управою» (С. 12); «Здесь Либералисты, там Сервелисты; истина и добро в середине: вот Ваше место, прекрасное, славное. Стойте же на часах без усталости <...> быть Великим Монархом именно в наше время есть завидная доля для великодушия» (С. 17). Кроме того, часто в подтексте писатель выражает свое представление о правильной линии поведения монарха: «тогда <...> осмелюсь представить Вам сочиненную мною историю как действие и плод Вашего благодетельного для наук царствования» (С. 7); «Сколько Вам дела и забот! Но мы для того в здешнем свете. Счастлив, кто заботится о благе миллионов! В этом смысле почти не имею к Вам жалости, хотя и не камень» (С. 22–23).

Как результат своеобразным эхом часто очень эмоциональных, даже пафосных посланий Карамзина становятся фразы в ответных письмах Александра I. В небольшой записке от 10 ноября 1824 г. в связи со страшным наводнением в Петербурге он напишет: «Мой долг быть на месте: всякое удаление причту себе в вину» (С. 20). Часто в письмах Карамзина к императрицам и великой княгине содержатся фрагменты, очевидно предназначенные для Александра I, они также направлены на формирование идеального образа правителя. Так, например, в письме к Екатерине Павловне читаем: «Что меня особенно трогает в нашем Императоре, так это его возвышенная скромность, которая выше человеческого величия или же подлинное величие собственной персоной. Да, я надеюсь, он сумеет также залечить раны России и привезет с собой спасительный бальзам под названием: доброе правление» (С. 117).

В письмах Карамзина, адресованных как императору, так и другим монаршим особам, ключевыми становятся образы российского гражданина и историографа. Именно эти образы помогают писателю усилить собственные суждения, донести до правителя всю важность своих рассуждений. Его письма являются своеобразным гражданским актом, манифестом гражданской ответственности перед современниками и потомками. Рефлексия Карамзина о своем гражданском предназначении воплощена в записке «Для потомства» от 24 января 1821 г., в которой, отвечая на собственный вопрос «Потомство! Достоин ли я был имени гражданина Российского?» (С. 13), он передает фрагмент своего разговора с императором после прочтения ему «Мнения русского гражданина»: «...вот что сказал я

Ему по-французски: Сир, у Вас много самолюбия... Я не страшусь ничего. <...> мне любезна только свобода, которой ни один тиран не в силах лишить...» (С. 13). В письмах к Александру Карамзин постоянно оговаривает свое право на прямой и честный разговор с монархом, который для историка является его гражданским долгом перед Отечеством.

Важным в рассматриваемом эпистолярном становится мотив значимости труда Карамзина-историографа. Труд этот позиционируется Карамзиным и, что показательно, воспринимается его монаршими адресатами как дело государственное. Размышления по поводу «Истории государства Российского», обсуждение вопросов, связанных с ее публикацией, разговор о необходимости исторического описания современности – все это позволяет автору писем к царствующим особам поставить вопрос о месте и роли современной ему власти в историческом процессе, а соответственно, и об ответственности власть имущих перед современниками и потомками. Любопытна в этом смысле записка Карамзина к Александру от 1 декабря 1822 г., в которой историк благодарит за замечания, сделанные императором в процессе чтения «Истории государства Российского»: «Верный Историограф подвергает себя к стопам Вашего Императорского Величества с сердечною благодарностию за милостивое слово и за написанные примечания, исторические в полном смысле: ибо они должны войти в Вашу собственную Историю» (С. 17). Тема истории и роли в ней существующей власти, мысль об ответственности монарха перед современниками и будущими поколениями является общей для переписки Карамзина со всеми монаршими адресатами. Так, например, отголоском идей историка становится фраза в письме Екатерины Павловны: «...познакомлю вас с сыном моим, для которого сильнейшее мое желание есть, чтобы некогда и его имя могло быть помещено со славою в Истории, вас теперь занимающей» (С. 94).

Не менее значимой, не имеющей прецедента становится частная, бытовая составляющая эпистолярного общения писателя с царствующими адресатами. В письме к Марии Федоровне, матери августейшего монарха, от 6 июня 1814 г., рассуждая о своем намерении приступить к историческому описанию современности, Карамзин пишет: «...история обязана сохранить свой человеческий характер» (С. 30). Его переписка с монаршими особами, являясь документом времени, историческим свидетельством¹, в то же время становится своеобразной школой чувствования, демонстрирует процесс личностного развития всех участников переписки. Именно становление личности, душевная чуткость является условием, определяющим успешное выполнение адресатами Карамзина своих государственных обязанностей.

Существование разных уровней в общении с Александром I четко закреплено самим Карамзиным в записке «Новые прибавления» от 18 декабря 1825 г.: «Я любил его искренно и нежно, иногда негодовал, досадовал на Монарха и все любил человека, красу человечества своим великодушием, милосердием, незлобием редким» (С. 14). В своей переписке Александр и Карамзин также закрепляют официальную и бытовую

составляющие их взаимоотношений: (Александр I – Н.М. Карамзину) «Чин в знак моей признательности Историографу. А Николаю Михайловичу извещение, что в Царском Селе сухо и чисто в саду, а в Китайском его жилище тепло и прибрано» (С. 19); (Н.М. Карамзин – Александру I) «В лице Историографа приношу Вашему Императорскому Величеству всеподданнейшую благодарность за чин <...> Теперь же в лице Карамзина повторю то, что всего более люблю говорить Вам: муж, жена, дети, все мы привязаны к Вам бескорыстно» (С. 19).

Переписка Карамзина и Александра, касающаяся частных предметов, по-своему даже поэтична, она характеризует обоих адресатов как людей добросердечных и чувствительных. Основным бытовым поводом для их частной переписки стала подготовка Китайского домика для семьи Карамзиных. В письмах Карамзина рождается образ Августейшего Хозяина, гостеприимного и внимательного, и его гостя – уединенного царскосельского жителя. В своих письмах Александр подхватывает роль хозяина, проявляющего заботу и любовь к своим гостям. В свою очередь Н.М. Карамзин – царскосельский житель – это верный подданный своего государя, человек чувствительный, важными качествами которого являются искренность и сердечность. Он сопереживает своему Августейшему Хозяину, благодарит его за подготовленный домик, говорит о простых семейных радостях. Однако, несмотря на бытовые, частные поводы для переписки, уединенный царскосельский житель неразделим с гражданином, образ которого просматривается практически за каждой строчкой любезного Николая Михайловича. Не случайно он и его семья ежедневно думают и молятся о государе, «не разделяя своего добра с общим» (С. 22). Любопытно, как в одном и том же письме Карамзин одновременно выражает радость по поводу бытового и государственного предмета: «Сердечно радуемся добрым вестям о Вашем здоровье. <...> Радуемся и другим хорошим вестям: слышим, что Вы довольны явными успехами государственного и гражданского благосостояния в Королевстве Польском. Сладко, для доброго сердца, благотворить и частным людям; еще сладостнее, для души высокой, благотворить Государствам» (С. 21).

Для Карамзина чрезвычайно важен этот «человеческий» уровень общения с монархом. Сам факт переписки с императором представляется историографу и писателю крайне важным, по-своему историческим, несмотря на то что результат этих бесед не всегда оправдывал его ожидания. Оценку своего общения с Александром Карамзин даст уже после смерти императора в записке под названием «Новое прибавление» от 18 декабря 1825 г.: «Я всегда был чистосердечен. Он всегда терпелив, кроток, любезен неизъяснимо, не требовал моих советов, однако ж слушал их, хотя им большею частью не следовало, так что ныне <...> не могу утешать себя мыслию о десятилетней милости и доверенности ко мне столь знаменитого Венценосца: ибо эти милость и доверенность остались бесплодны для любезного Отечества» (С. 14). Стремление оказать полезным своему Отечеству не оставляет Карамзина и в процессе переписки с матерью, супругой и сестрой императора.

«Женщины умнее нас чувствительностью» (С. 139), – напишет Н.М. Карамзин жене в письме от 6–7 марта 1816 г., описывая свою встречу с императрицей Марией Федоровной. Именно в переписке с женской половиной царствующего дома в полной мере проявляется специфика стиля и глубина карамзинского эпистолярного искусства, ощущается связь с литературной деятельностью писателя, воплощается его убеждение в высокой значимости женщины в воспитании чувств. Переписка с Марией Федоровной, Екатериной Павловной и Елизаветой Алексеевной представляют собой особые эпистолярные дискурсы, имеющие свою тематику, проблематику, обладающие особым образным строем, философской глубиной и воспитательным пафосом.

Так, переписку Н.М. Карамзина и Марии Федоровны, матери августейшего монарха, можно назвать сентиментальным романом «В ожидании встречи» (особенно это касается писем 1813–1818 гг.). В письмах к императрице Карамзин поддерживает образ человека, далекого от двора, мало привязанного к свету. Его послания императрице эмоциональны, сердечны и чувствительны. Эта высокая эмоциональность подчеркивается постоянными оговорками о недостаточности слов для выражения чувств: «Сердце мое исполнено признательности: не могу достаточно выразить оную словами» (С. 26–27); «Гораздо легче чувствовать, нежели выразить признательность»; «Чем больше чувства, тем менее слов» (С. 30).

Центральными образами в переписке Карамзина и Марии Федоровны являются образы Павловского сада и Розового павильона. Императрица приглашает Карамзина и его семью пожить в Павловске. По разным причинам их приезд откладывается. В письмах историка Павловск и Павловский сад приобретают символические, идиллические черты. Мечта о возможной встрече становится живительной для души, вдохновляющей на работу: «В печальном расположении моей души утешаюсь мыслию жить в Павловском и в Петербурге под Вашим Августейшим покровительством. <...> в садах Павловских, среди веселых предметов и меланхолических воспоминаний, надеюсь в будущем лето прибавить еще несколько глав к своей Истории» (С. 27).

Одно из писем к императрице Карамзин озаглавливает «Мысли в саду Павловском», таким образом, письмо выстраивается по законам сентиментальной литературы, его центральным образом становится сельский домик, где «верят истине, которая изливается из сердца» (С. 38). Сельский домик, безусловно, представляет собой символ безыскусственности, чистоты, искренности, естественности, противопоставленной искусственному великолепию света и пышности царской. Карамзин рисует образ Августейшей Хозяйки сельского домика, которая «любит быть человеком в объятиях Природы и семейства» (С. 38). Роль автора этих строк, такого же сельского жителя, позволяет ему разговаривать с императрицей чувствительно и искренне: «С сею простою, сельскою искренностью скажу, что не люблю двора, но люблю Царей и Цариц, когда они украшают человечество своими внутренними достоинствами и любят сельские домики» (С. 38). Таким образом, идиллическая картина, возникшая в со-

знании уединенного царскосельского жителя, позволяет Карамзину наметить ориентиры поведенческого текста своего адресата, основанные на чувствительности, безыскусственности, естественности, добродетельности. Не случайно лейтмотивной становится мысль, выраженная в одном из писем к императрице: «Я не царедворец, мало привязан к свету, но умею чтить добродетель в Августейшей Вашей особе» (С. 25).

Образ Павловска останется символическим в эпистолярном общении императрицы и Карамзина вплоть до кончины последнего. При этом поэтичность и возвышенность он приобретет уже в письмах самой Марии Федоровны, последние послания которой к Карамзину наполнены нежными чувствами и сердечностью. Слова «сердце», «чувство» перетекли из писем Карамзина в послания императрицы и помогают ей в конце их эпистолярного романа выразить глубочайшую привязанность к доброму другу, батюшке Николаю Михайловичу.

Особые отношения складываются у Карамзина с супругой Александра I Елизаветой Алексеевной. В письме к И.И. Дмитриеву от 30 сентября 1821 г. Карамзин напишет: «Судьба странным образом приблизила меня в летах преклонных ко двору необыкновенному и дала мне искреннюю привязанность к тем, чьей милости все ищут, но кого редко любят. Ты не менее моего знаешь двух, но третью я узнал короче: Императрицу Елисавету, женщину редкую» (С. 393). Очаровательная, хорошо образованная, она не любила пышности двора, увлекалась морскими купаниями и верховой ездой, имела меланхоличный нрав и слабое здоровье. Несчастливая в браке, потерявшая двоих детей, имевшая натянутые отношения с царской фамилией, она много сил отдавала благотворительности. В круг ее чтения входили серьезные трактаты по истории, юриспруденции, Елизавете, как и другим членам царствующего дома, Н.М. Карамзин читает свою «Историю государства Российского», она в свою очередь читает ему свой дневник [7].

Переписка Карамзина с супругой Александра I в основном представляет собой коротенькие записки, часто написанные адресатами в один день, они как будто продолжают дружеский, доверительный диалог двух чрезвычайно близких друг другу по духу людей. Объем отдельных писем возрастает в случае дальнего отъезда одного из адресатов либо большого перерыва между встречами.

В письмах Н.М. Карамзина к Елизавете сюжетобразующим становится концепт «душа». В своей переписке с другими адресатами и в письмах к самой императрице он соотносит ее образ с ангельским, говоря об излучаемом ею свете, магическом, неземном. В своих письмах историограф по-своему трансформирует представление о супруге Александра I как о Психее (получившее распространение в свете еще в самом начале ее замужества), подчеркивая особенности ее душевной организации, высокий уровень чувствования, нравственности и чистоты. Именно на таких людей, как Елизавета, по мнению Карамзина, рассчитана «История государства Российского»: «<...> все зависит от впечатления, которое произведет она в душах, подобных Вашей» (С. 55). Практически в каждом письме Карам-

зин не устает выражать душевную преданность своему августейшему адресату, ее письма живут его душу, каждое ее слово доходит до сердца историографа.

Концепт «душа» в карамзинских письмах к Елизавете Алексеевне приобретает и религиозно-философское звучание: «<...> к Вам привязана душа моя, а душа нетленна. Кажется, что я люблю Вас еще более, нежели прежде» (С. 55). Душевность императрицы неизменно связывается с ее духовностью. Закономерно, что для поэтики писем Карамзина к Елизавете большое значение приобретает противопоставление земной и небесной жизни, вечности, а мотив телесной слабости и нездоровья неизменно связывается с постулированием духовной силы. Среди обсуждений бытовых происшествий и переживаний о нездоровье в их письмах аккумулируется своеобразная философия поведения, основанная на особом личностном стоицизме. Весьма характерным примером того, насколько бытовой повод – беспокойство о здоровье императрицы – может подтолкнуть автора письма к философским рассуждениям, является фрагмент письма Н.М. Карамзина Елизавете от 30 июля 1820 г.: «Я желал бы <...> чтобы Вы <...> наслаждались и на земле непрерывным счастьем. <...> Не забудьте, что Вы обещали быть милостивою к Историографу и в полях Елисейских, где я буду ждать Вас, однако ж, с терпением: ибо в вечности для всего найдется время; ничто не уйдет. К тому же тени летают, куда хотят: ссылаюсь на предания всех народов. Могу оттуда заглянуть опять в Царское Село, даже и в Ориенбаум. Буду Вас видеть, хотя и невидим; буду Вас слышать, хотя и бессловесен... а почему знать? Может быть, и шепну Вам что-нибудь на ухо, хотя теперь и не люблю наушничества: шепну несекромную весть Ангельскую, чтобы Вы лишний раз улыбнулись как Ангел на земле» (С. 59).

Императрица-ангел и стареющий историограф – это центральные образы переписки Карамзина с Елизаветой. Одной из основных тем для его размышлений становится бренность земного существования, жизни как сна. Любопытно, как в одном из писем к И.И. Дмитриеву Н.М. Карамзин, рассказывая другу о своем общении с императрицей, подчеркивает особенно высокий уровень духовности их взаимоотношений, которые, с одной стороны, вдохновляют его на литературное творчество, с другой – неизменно связываются им с размышлениями о конечности человеческого бытия: «К ней написал я, может быть, последние стихи в моей жизни, в которых сказал: Здесь все мечта и сон; но будет пробуждение! / Тебя узнал я здесь в прелестном сновиденье: / Узнаю наяву!.. В самом деле, чем более приближаюсь к концу жизни, тем более она кажется мне сновидением» (С. 393). Тема смерти, возникающая в большинстве писем Карамзина к Елизавете, может реализовываться в них и в бытовом ключе, даже как определенный штамп, лишенный меланхоличности и философского пафоса: «Итак, завтра около семи часов, если не умру, буду у дверей Вашего кабинета» (С. 61).

Закономерно, что мотив смерти теснейшим образом связан с мотивами болезни и здоровья, которые являются сюжетобразующими для данного эпистолярия. Постоянное нездоровье императрицы, плохое самочувствие, ревматизм Карамзина, являясь основными ком-

муникативными поводами бытового общения данных адресатов, приобретают особое образное, даже символическое значение для их чувствительных душ. Телесная (ревматическая) боль связывается Карамзиным с наслаждением и счастьем, поскольку она не мешает ни мыслить, ни чувствовать. Боль воспитывает характер, является своеобразным условием построения характера, воспитания души: «Платя дань суетности, без стыда хвалюсь перед Вами твердостью, которая состоит в том, чтобы платить некоторой болью в руке за счастье писать любезнейшей из всех Императриц» (С. 59). Среди постоянных хлопот о здоровье в письмах Карамзина и Елизаветы находим своеобразные философские максимы, которые характеризуют слабых здоровьем адресатов как людей сильных духом, ясно мыслящих и глубоко чувствующих: «век живи – век учись жить», «живите же как можно долее: то есть как можно долее заслуживайте на земле Небо! Чем долговременнее служба, тем более и награды» (С. 75), – напишет Карамзин в поздравлении Елизавете. Показателен ее ответ: «нужно трудиться, чтобы заслужить награду, и желать сделать менее долговременной награду – значит проявить леность» (С. 76). И таких примеров множество.

Особую литературность данным письмам придает частое включение в них описаний природных картин. Они становятся отражением душевного состояния пишущих: «Погода благоприятствовала мне сегодня; я приехала сюда в поисках покоя и моря; вам известно, что одно, как и другое, ценны для меня в любое время года» (С. 67). Возможность соприкоснуться с природой становится синонимом здоровья, поскольку болезнь мешает прогулкам. Ключевым является образ моря, что связано с частым пребыванием императрицы в Ориенбауме, а позднее и в Таганроге. Находящийся вдали от императрицы Карамзин рисует истинно поэтические картины: «Вы можете гулять и на суше, и на воде в Ориенбауме. Сын... или правнук Океана, залив Финский, с гордостью и весельем, как думаю, носит Вашу яхту, несмотря на свою холодность» (С. 58). Переписка Карамзина и Елизаветы становится своеобразной школой души для каждого из адресатов, полем, где культивируется особое отношение к жизни, понимание своего долга, воспитывается особая душевная тонкость.

В одном из своих писем Елизавета Алексеевна обращается к Карамзину как к «своему высшему трибуналу в области русского языка» (С. 78), что вполне понятно, учитывая происхождение императрицы. Однако сам факт восприятия Карамзина царской особой в качестве учителя весьма показателен. С наибольшей яркостью и полнотой образ «Карамзин – учитель» раскрывается в переписке писателя с сестрой Александра I Екатериной Павловной, личностью яркой, активно участвовавшей в политической и культурной жизни страны, имевшей серьезное влияние на своего брата. «Учитель любимый», «милый учитель», «мой учитель и мой друг» – так она обращается к своему адресату в каждом письме. Фактически отношение Екатерины к Карамзину как к учителю связано прежде всего с занятиями сестры императора переводами. Однако в процессе их переписки образы наставника – Карамзина и ученицы – великой княгини (часто в шутовском варианте нерадивой школьницы) определяют общую тональ-

ность общения историографа и сестры императора, при этом образ учителя, наставника приобретает в их переписке концептуальное значение. Так, в письме от 14 декабря 1810 г. Екатерина напишет: «...ваше знакомство из рода таких, которые, возвышая душу, не забываются» (С. 94). В письмах к Карамзину она постоянно подчеркивает лучшие черты своего адресата, что косвенно делает его примером для подражания. При этом выбор положительных, с точки зрения Екатерины, качеств историографа заслуживает особого внимания, поскольку они, как в зеркале, отражают человеческие качества, столь близкие сердцу Карамзина: «Взывать к человеку чувствительному, человеку добродетельному, для которого никакое сердечное наслаждение не кажется преувеличенным, к тому, что боготворит Природу, – значит взывать к вам» (С. 98); «Вы слишком принижаете себя в своих письмах и особенно в последнем; я вовсе не награждаю вас титулом добродетельного, а просто называю вас тем именем, которого вы достойны» (С. 103); «<...> минуты, когда беседуешь с мужем достойным, посвятившим дни свои единственно для пользы отечества своего, суть такие, которые не забываются и которых повторение есть неприятнейшее» (С. 93). Важно, что качества, которые так ценит Екатерина в своем друге и наставнике, надеется найти в своих царствующих адресатах и сам Карамзин.

Два письма Карамзина к Екатерине, опубликованные в Полном собрании сочинений, позволяют судить о том, насколько глубоким и содержательным было общение этих двух неординарных личностей. Одно письмо вбирает в себя размышление о бренности существования человеческого, осмысление современных исторических потрясений и деятельности Наполеона, описание разрушенной Москвы, рассказ о работе над «Историей государства Российского», просьбу о книгах. Письмо Карамзина от 29 ноября 1813 г., написанное в сложное для него время (он похоронил сына), сродни проповеди и философскому трактату одновременно, в котором писатель в полной мере соответствует образу наставника. Не случайно в тексте письма появилась оговорка: «Простите, Сударыня: уж это никак не эпистолярный жанр; но я стал так стар, что мне трудно держаться в рамках условностей» (С. 112). Наставник-Карамзин дает Екатерине урок стоицизма и веры в вечную справедливость. Идеи, высказанные писателем в этом письме, во многом перекликаются с настроением и пафосом его переписки с Елизаветой Алексеевной: «Удовольствия и само счастье не обладают бесконечностью и возвышенностью иных горестей, которые в большей степени, чем радости, заставляют нас почувствовать благородство нашего существа и наши права на нечто божественное. <...> Удары судьбы <...> в конечном счете укрепляют наше смирение и устанавливают между человеком и Богом некую близость» (С. 112). Так, в очередной раз эпистолярный писатель закрепляет особую философию жизни, определяет направление душевных поисков самого Н.М. Карамзина и его царствующего адресата.

Диалог Карамзина с каждым из монарших адресатов представляет собой поистине удивительное явление для своего времени. В процессе достаточно интенсивного эпистолярного общения царской семьи и

Карамзина рождается особый поведенческий текст монарха и гражданина. Кроме того, их письма становятся пространством развития душевных, моральных качеств человека, формирования особой жизненной философии. В этом смысле роль писем Карамзина – историка, писателя, гражданина – к членам царствующего дома трудно переоценить. Символично, что высокий уровень заслуг Карамзина сформулирован в Высочайшем рескрипте императора Николая I: «<...> за покойного Государя, знавшего на опыте вашу благодарную, бескорыстную привязанность, и за себя самого, и за Россию изъявляю вам признательность,

которую вы заслуживаете и своею жизнью как гражданин, и своими трудами как писатель» (С. 125–126). Вдвойне символично то, что этот монарший рескрипт, адресованный смертельно больному историографу, написан В.А. Жуковским, другом и во многом учеником Карамзина, сыгравшим особую роль в просвещении царской семьи. Таким образом, царствующий дом России в определенный период своей истории оказался достаточно тесно связан с двумя великими литераторами: Н.М. Карамзиным и В.А. Жуковским, которые в своем частном диалоге с властью явили ей особую культуру мысли и чувствования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ То, что переписка с царствующими особами осознавалась Карамзиным как историческое свидетельство для будущих поколений, не вызывает сомнений. Так, один из примеров этого находим в письме Карамзина к Елизавете Алексеевне от 13 января 1825 г.: «Жаль, что Вы означили в приписке le mot l'énigme (загадку. – Т.Ф.) и таким образом устранили любопытную догадку какого-нибудь ученого комментатора веков будущих» [5. С. 77].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кочеткова Н.Д. Сентиментализм. Карамзин // История русской литературы : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л. : Наука, 1980. Т. 1. С. 726–764.
2. Лазарчук Р.М. Переписка Н.М. Карамзина с А.А. Петровым (К проблеме реконструкции «романа в письмах») // XVIII век. Сборник 20. СПб. : Наука, 1996. С. 135–143.
3. Вяземский П.А. О письмах Карамзина // Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М. : Искусство, 1984. С. 250–253.
4. Кузнецов А.М. Послесловие к переписке Н.М. Карамзина // Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений : в 18 т. Т. 18 : Письма. М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2009. С. 562–564.
5. Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений : в 18 т. Т. 18 : Письма. М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2009. 624 с.
6. Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М. : Книга, 1987. 254 с.
7. Крылов А. Прелестная Елизавета // Новая юность. 2002. № 3(54). С. 111–150.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 23 мая 2012 г.